
ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО ¹⁾.

III.

Но въ чемъ же корень зла? Анализъ теоріи индивидуализма показалъ, что корень зла таится какъ будто въ томъ, въ чемъ эта теорія справедливо видитъ красу человѣчества, его силу и источникъ всяческаго его преуспѣнія, именно— въ *неравенствѣ* силъ и способностей между людьми. Значитъ нужно устранить это неравенство, и тогда получится гармонія? Съ этимъ предположеніемъ мы вступаемъ въ область мечтаній другой, совершенно противоположной индивидуализму, теоріи *коммунизма*, которая тоже думаетъ осчастливить человѣчество по своему рецепту. Рецептъ этотъ очень простъ: нужно уничтожить неравенство,—и прежде всего неравенство имущественное,—и въ результатѣ получится обфтованная земля. Но истинѣ, нужно быть опытнымъ волшебникомъ, чтобы съ увѣренностію начать подобное дѣло и привести его къ желанному концу. Но не забѣгая впередъ, познакомимся хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ съ исторіей теоріи коммунизма. Она—почтенныхъ лѣтъ, и знакома была еще грекамъ, изъ которыхъ нѣсколько знаменитыхъ именъ значится въ числѣ ея приверженцевъ. По словамъ Аристотеля, Фалеасъ изъ Халкидона первый предложилъ планъ реорганизациіи общества на началахъ полного равенства и общаго обладанія землей. Софисты были распространителями коммунистическихъ идей. Ихъ держался Пифагоръ и эпикурейцы. Но самая полная теоретическая разработка коммуни-

¹⁾ Окончаніе. См. июньскую кв. Богосл. Вѣстника.

стическаго идеала принадлежитъ Платону. „Лучшее государство, лучшее правленіе, лучшіе законы, говоритъ онъ въ своемъ разговорѣ о „Законахъ“, суть тѣ, которые выполняютъ старинное изреченіе: у друзей—все общее, и если можно—общія жены, общія дѣти, общія имѣнія“. Въ разговорѣ „О государствѣ“ Платонъ рисуетъ, по его мнѣнію, идеальный общественный строй, въ которомъ два высшихъ класса воиновъ (или стражей) и правителей (или философовъ) ведутъ коммунистическій образъ жизни и не имѣютъ собственности. Трудами третьяго класса—ремесленниковъ и земледѣльцевъ—удовлетворяютъ свои необходимыя потребности; роскошь и храненіе драгоценныхъ металловъ имъ возбраняется; ихъ коммунизмъ простирается на одежду, жилище, на женъ и дѣтей. „Общность женъ доставитъ величайшее благо. Каждый будетъ видѣть въ другомъ сестру или брата, сына или дочь, отца или мать“. Въ новое время коммунизмъ прежде всего выразился у Томаса Мора въ его „Утопіи“ (1518 г.), и въ этомъ видѣ господствовалъ въ теченіи XVII—XVIII вв. Вдохновляемый Платономъ, Т. Моръ нарисовалъ въ своей „Утопіи“ материалистически-коммунистическій идеалъ, по которому населеніе воображаемой, фантастической страны торговли не ведетъ и денегъ не имѣетъ, но получаетъ все необходимое отъ государства въ обмѣнъ на 6-часовой обязательный трудъ. Порабощеніе людей, по мнѣнію Мора, слѣдствіе частной собственности. Самый совершенный порядокъ тотъ, который даетъ наилучшее удовлетвореніе всѣхъ потребностей наибольшаго числа людей. Нѣкоторые изъ дальнѣйшихъ представителей коммунизма выражаютъ свои мечты въ слѣдующей догматической формѣ: три основныхъ закона рекомендуетъ Морелли для реорганизациіи общества: *первый*—собственность отменяется, *второй*—всякій человекъ разсматривается какъ должностное лицо, какъ чиновникъ, и *третій*—каждый гражданинъ обязанъ содѣйствовать общему благу. Получать отъ государства пропитаніе—это право, работать—обязанность гражданъ (1755 г.). Въ одномъ манифестѣ коммунистовъ выражаются такія требованія: „Мы желаемъ общаго имущества, или общности имущества. Нѣтъ больше частной собственности на землю, земля ничья. Плоды принадлежатъ всѣмъ... Природа дала каждому человеку равное право на пользованіе всѣми благами. Трудъ и нас-

лаженіе должны быть у людей общими“. Въ теченіи своего развитія коммунизмъ подвергся разнымъ видоизмѣненіямъ и раздѣлился на три типа: 1) сантиментальный—эпическій, 2) матеріалистически-революціонный и 3) мистически-религіозный. Въ послѣдствіи же, именно съ 1847 г. коммунизмъ, какъ самостоятельное ученіе, перестаетъ существовать и расплывается въ социализмъ.

Въ настоящее время социализмъ представляетъ собою уже грозную силу, съ которою государственнымъ людямъ приходится считаться. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи, напр., социализмъ составлялъ явленіе не особенно замѣтное и существенное. Теперь же онъ составляетъ настолько сильную партію, что въ прошломъ году въ рейхстагъ было выбрано уже девять социалистовъ. Сила социализма настолько притягательна, что его идеями стало вдохновляться современное германское духовенство одинаково усердно, и католическое и протестантское.

У насъ въ Россіи, по заявленію одного компетентнаго духовнаго оратора, „соціальныя, или вѣрнѣе сказать, антисоціальныя идеи проникаютъ всюду и помимо болѣе или менѣе капитальныхъ книгъ извѣстнаго направленія и безъ посредства совратителей: какъ мелкая пыль, они носятся, такъ сказать въ воздухѣ, передаются въ переводныхъ романахъ, сыплются мелкой прессой и заражаютъ нечувствительно. Иной ни одной соціальной книжки не прочелъ, не видалъ въ глаза ни одного социалиста, а между тѣмъ зараженъ уже социализмомъ и дѣйствуетъ въ его духѣ“, (статья прот. П. Смирнова. Церк. Вѣд. 1900 г. № 1).

Изъ вышензложеннаго краткаго историческаго очерка коммунизма становится ясно, въ чемъ заключается сущность его, къ чему направлены его стремленія, чаянія и надежды. Коммунизмъ хватается за больныя мѣста нашей общественной жизни, и отсюда черпаетъ силу и все необходимое для своего существованія. Одинъ незаслуженно богатъ, другой незаслуженно бѣденъ; одинъ изнемогаетъ отъ своего избытка, отъ сытости и довольства, другой сѣдается матеріальною нуждою и напрасно тратитъ силы въ борьбѣ съ разнаго рода недостатками. Одинъ можетъ предаваться лѣности и нѣгѣ и не трудясь пользоваться всѣми благами жизни, другой не успѣваетъ отирать пота съ лица своего отъ непо-

мѣрныхъ напряженій и тѣмъ не менѣе не можетъ выбиться изъ подъ власти гнетущей его нужды.

Коммунизмъ, а въ настоящее время социализмъ, ставятъ себя цѣлю уничтожить эту неправду на землѣ и водворить справедливость, которая, по ихъ мнѣнью, заключается въ томъ, чтобы блага земныя были всеѣмъ доступны въ одинаковой степени. Поэтому, какъ мы видѣли, онъ не признаетъ частной собственности, а у кого она есть, она насильственно должна быть отнята и обращена въ общее достоянiе. Равнымъ образомъ и самъ человекъ, его трудъ и вся его дѣятельность должны быть общимъ достоянiемъ. Не должно быть никакихъ преимуществъ одного предъ другимъ, все должно быть равно между собою,—и въ результатѣ должно получиться, по мечтамъ нынѣшняго социализма, общее довольство и счастье.

Но что же дѣлать съ существующимъ порядкомъ? Какъ достигнуть обѣтованной земли, кипящей медомъ и млекоомъ? Въ этомъ отношенiи защитники коммунистическихъ теорiй не стѣсняются средствами. Они проповѣдуютъ походъ на владѣтелей—собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, на богачей, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ огромные капиталы. Они требуютъ общаго, обязательнаго для всеѣхъ труда. Всякая отдѣльная личность есть часть цѣлаго, атомъ, назначенiе котораго служить общей работѣ организма, жизнь котораго онъ только и питается. За это самопожертвованiе каждаго обѣщается жизнь на общихъ, одинаковыхъ для всеѣхъ началахъ; проектируются общiя мѣста жительства, строго казарменнаго или фабричнаго характера, общiя столовыя и пр. Все будутъ втиснуты въ одинаковыя рамки, стерты всякiя индивидуальныя особенности, все будутъ равны, ничего не будетъ выдающагося, нарушающаго общiй строй жизни, но за то все одинаково будутъ сыты и, предполагается, все будутъ счастливы и довольны.

Но можетъ ли достигнуть этихъ цѣлей социализмъ? Дѣйствительны ли тѣ средства, которыми онъ думаетъ достигнуть уврачеванiя всеѣхъ общественныхъ ранъ, такъ чтобы никто уже не жаловался на свою судьбу и всякiй былъ доволенъ своимъ положенiемъ?

Если объ индивидуализмѣ мы говорили, что онъ—мечта, то не менѣе мечтательнымъ характеромъ отличается и ком-

мунизмъ. То, что въ немъ дѣйствительно имѣеть практическое значеніе, это его исходная точка и основныя побужденія, а затѣмъ все остальное относится къ области фантазій. Несомнѣнно, что наша общественная и государственная жизнь страдаетъ весьма многими язвами, которыя рѣзко бросаются въ глаза всякому, болѣе или менѣе безпристанному наблюдателю. Это даетъ силу критикѣ социализма, которая въ этомъ случаѣ имѣеть жизненное, практическое значеніе. Социализмъ и коммунизмъ сильны именно своимъ отрицаніемъ, своимъ критическимъ отношеніемъ къ существующему порядку вещей, который заключаетъ въ себѣ много мѣсть, открытыхъ для его стрѣлъ.

И пока будутъ продолжаться въ общественномъ и государственномъ организмѣ разнаго рода нестроенія и неполадки, пока общественная жизнь будетъ зиять извѣстными язвами, до тѣхъ поръ не исчезнетъ и социализмъ, питающийся и существующій на счетъ этихъ общественныхъ золъ. Въ этомъ заключается *правая* сторона социализма. Но затѣмъ, сущность самаго ученія социализма, всѣ средства, которыя имъ рекомендуются для уврачеванія недуговъ страждущаго человѣчества, планы, которые онъ предлагаетъ для переустройства всего общественнаго строя,—все это или отличается фантастическимъ характеромъ, или же, въ случаѣ осуществленія, привело бы совершенно не къ тѣмъ результатамъ, какіе имѣеть въ виду социализмъ.

Социализмъ въ построеніи своей теоріи исходитъ изъ той мысли, что всѣ люди между собою *равны* и слѣдовательно всѣ имѣють одинаковое право на участіе въ земныхъ благахъ. Однако фактъ, что всѣ люди различаются между собою по своимъ силамъ и способностямъ, по индивидуальнымъ особенностямъ своей тѣлесной и духовной природы, по высотѣ или низости своего умственнаго и нравственнаго состоянія и пр. и пр.,—этотъ фактъ остается неоспоримымъ, и его нельзя уничтожить никакими софизмами. Поэтому равенство, понимаемое въ смыслѣ коммунизма, и основанная на немъ одинаковость во взаимныхъ отношеніяхъ, привели бы къ очень неудобнымъ результатамъ. На основаніи этого равенства божественный Платонъ, витающій своею царственною мыслию въ превыспренней области высокихъ идей, и послѣдній пѣденщикъ, роющийся въ мусорѣ; нашъ гениаль-

ный Пушкинъ, и какойнибудь волостной писарь; Суворовъ—нашъ чудо-богатырь, и послѣдній плюгавенькій солдатикъ,—всѣ должны стать въ одинъ рядъ, на одну доску, и ждать себѣ одинаковой оцѣнки со стороны общественнаго вниманія. Но истиннѣ, горько становится за человѣческую природу, когда къ ней прилагается подобная уравнительная мѣрка, оскорбляющая чувство справедливости въ самыхъ его глубокихъ основаніяхъ. Какъ бы тяжело чувствовалось тогда высокоодареннымъ личностямъ, если бы они встрѣчали такое крайнее равнодушіе и несправедливость въ оцѣнкѣ своихъ внутреннихъ преимуществъ!... Сколько горькихъ и совершенно резонныхъ упрековъ послали бы они судьбѣ за то, что она дала имъ орлиныя крылья, эти порывы ко всему возвышающемуся надъ будничною дѣйствительностію, тогда какъ общественная тиранія заставляетъ ихъ копать въ этой послѣдней, обѣщая имъ за это только мѣщанское счастьеце на жиденькой приправѣ социалистической стряпни!.. Къ такимъ, крайне несправедливымъ отношеніямъ, должна приводить идея равенства, понимаемая въ смыслѣ социализма.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію средствъ, которыя социализмъ рекомендуетъ для приведенія своей теоріи въ дѣйствительность, прежде всего посмотримъ,—законно-ли, справедливо-ли, человѣколюбиво-ли это посягательство на чужую собственность, которую социализмъ предлагаетъ отнять у собственника для общаго раздѣла, особенно въ томъ случаѣ, когда эта собственность есть исключительно плодъ усилій извѣстнаго лица? Справедливо ли отнимать у него ради великаго множества лѣнтяевъ, которые часто потому и находятся въ бѣдственномъ состояніи, что ни къ чему не хотятъ приложить своихъ рукъ? Но еслибы даже отнимали достояніе въ пользу дѣйствительно людей несчастныхъ, которые, хотя и трудятся, но не могутъ покрыть всей своей нужды и удовлетворить всѣмъ своимъ самымъ насущнымъ потребностямъ, то и въ такомъ случаѣ—законно ли—и съ юридической и съ нравственной точекъ зрѣнія—подобное насиліе? Чѣмъ виновато извѣстное лицо, что природа надѣлила его сравнительно съ другими избыткомъ духовныхъ и физическихъ силъ, благодаря которымъ онъ приобрѣлъ болѣе, чѣмъ другіе, и почему именно онъ свой излишекъ долженъ отдать

неимущему? Онъ, конечно, можетъ это сдѣлать, но только по собственному своему произволенію, въ силу своего личнаго почина и сочувствія къ нуждѣ ближняго, но заставить его насильно это сдѣлать,—никто не можетъ, такъ какъ на это нѣтъ и не можетъ быть никакихъ законовъ, кромѣ нравственныхъ, обязательность которыхъ утверждается самою же отдѣльною личностію, а не внѣшнею принудительною силою,—въ формѣ чего-бы ни обнаруживалась эта послѣдняя. Итакъ съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали фактъ насильственнаго отчужденія собственности въ пользу неимущихъ, онъ будетъ нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ требованій справедливости, во имя которой и начинается свою дѣятельность социализмъ. Противъ него будетъ вопіять 8-я заповѣдь закона Моисеева: *не укради*, такъ какъ социализмъ узаконяетъ ея нарушеніе въ самой наглоѣйшей формѣ,—въ формѣ *грабительства*.

А потомъ этотъ однообразный, насильственный, для всѣхъ обязательный трудъ, это проектированіе казарменнаго устройства жизни съ игнорированіемъ всякихъ личныхъ привычекъ и вкусовъ, это, слѣдовательно, уравненіе всякихъ личныхъ способностей и наклонностей, эта всеобщая стрижка подъ одинъ гребень, — все это не есть ли злѣйшее посягательство на свободу человѣческой личности,—ту свободу, которая есть главный источникъ всѣхъ радостей въ жизни человѣка, которая въ иныхъ случаяхъ только и составляетъ его единственную усладу и счастье? Въ своей полемической части противъ индивидуализма мы приводили мнѣніе, по которому человѣкъ есть рабъ по природѣ своей, и вся его исторія есть исторія рабства, которое онъ переживалъ въ разные періоды въ разныхъ формахъ. Мы приводили его въ качествѣ опроверженія индивидуализма съ его проповѣдію *безграничной* свободы, не признавая ее по существу своему истинною. Человѣку дѣйствительно свойственно подчиненіе, но только во имя порядка, который обезпечиваетъ его свободу. Истинная свобода есть та, которая является госпожею самоѣ себя; а это господство состоитъ въ самоподчиненіи тому нравственному порядку вещей, тому стремленію къ высшему идеалу, которые явились въ міръ вмѣстѣ съ человекомъ и составляютъ его вѣчное, неистребимое, хотя и постоянно наразумно расточаемое достояніе его внутренней

природы, какъ образа Божія, какъ луча изъ горячаго міра. Поэтому стремленіе къ подчиненію, которое дѣйствительно существуетъ въ природѣ человѣка, не есть слѣдствіе его рабскихъ чувствъ: главною своею цѣлю оно имѣетъ обезпеченіе той же свободы духа, такъ какъ при посредствѣ его человѣкъ только и можетъ сберечь, сохранить и развить себя въ *личность* съ ея разнообразными типическими чертами, построить свою жизнь на началахъ, вытекающихъ изъ особенныхъ, своеобразныхъ потребностей его свободнаго духа.

Ничего подобнаго не сулитъ, да и не можетъ сулить то подчиненіе, какого требуетъ отъ человѣка социализмъ: задача социализма заключается не въ томъ, чтобы подчинить себя человѣка для обезпеченія его свободы. Его задача проще; онъ хочетъ обезпечить ему только насущный хлѣбъ. Социализмъ какъ бы такъ говоритъ человѣку: „отдай мнѣ всего себя въ полное мое распоряженіе, — и ты будешь сытъ“. И такое ограниченіе, суженіе своей задачи исключительно, или главнымъ образомъ матеріальными интересами, составляетъ одну изъ главныхъ ошибокъ социализма. Въ этомъ случаѣ, какъ бы сами собою напрашиваются слова Христа: „не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“. Жизнь человѣка не можетъ уложиться въ узкія формы понятій сытости и довольства. Какъ извѣстно, въ человѣкѣ есть множество высшихъ потребностей духа, ради удовлетворенія которыхъ человѣкъ бываетъ готовъ претерпѣть и холодъ и голодъ и всякаго рода внѣшнія неудобства и лишенія. Джонъ Стюартъ Милль выразилъ эту же мысль въ формѣ, которая, хотя и можетъ нѣсколько шокировать изысканный слухъ, но въ тоже время очень наглядно выражаетъ сущность человѣческихъ стремленій: „Лучше быть, говоритъ онъ, неудовлетвореннымъ человѣкомъ, чѣмъ удовлетворенной свиньей, лучше быть неудовлетвореннымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ (Утилитаризмъ Милля).“

Правда, послѣдователи социализма могутъ сказать, что напрасно граничить ихъ цѣли устройствомъ человѣку только внѣшняго довольства, что социализмъ можетъ построить жизнь на самыхъ широкихъ началахъ, имѣя въ виду удовлетворить всевозможныя потребности человѣческаго духа на высотѣ его настоящей культуры; что онъ доставитъ ему

всевозможный комфорт и самыя разнообразныя средства для развитія и удовлетворенія высшихъ сторонъ его духовной природы: научной, эстетической, художественной и пр. и пр. и что въ данномъ случаѣ онъ (соціализмъ) будетъ имѣть за собой то преимущество, что всѣ эти блага онъ сдѣлаетъ возможными для всѣхъ, и не для однихъ только людей богатыхъ и знатныхъ. На все это и подобное этому можно отвѣтить: сколько бы благъ ни сулилъ соціализмъ своимъ послѣдователямъ, какіе бы широкіе горизонты онъ ни рисовалъ имъ,—все это будетъ имѣть слишкомъ мало цѣны для человѣка, который лишень самаго дорогаго для себя дара, незамѣнимаго никакими благами міра сего, именно,—свободы и всего, что съ нею связано. „Рабы, влачащіе оковы, свободныхъ пѣсенъ не поютъ“; потому что подобныя пѣсни суть свободное творчество свободного духа. И не только пѣть, но и услаждаться пѣніемъ другихъ настоящимъ образомъ не могутъ тѣ, кто находится въ неволѣ, такъ какъ произведенія свободного творчества вполнѣ могутъ восприниматься и быть понятными свободнымъ же духомъ: пониманію рабскаго духа это не доступно. Бетховенская соната въ человѣкѣ, воспитанномъ въ свободныхъ началахъ, можетъ возбудить множество высокихъ настроеній, а проведенію жизнь въ рабской атмосферѣ можетъ показаться воемъ.

Но можетъ быть общій совокупный трудъ пролить радость и теплоту въ безотрадную жизнь послѣдователей соціализма? Дѣйствительно, есть мыслители, которые думаютъ видѣть смыслъ жизни только въ трудѣ: „Смыслъ жизни, говорятъ они, человѣкъ можетъ найти лишь воплощеннымъ въ своей собственной работѣ, въ трудѣ, потому что трудъ человѣка, какъ „дѣятельность цѣлесообразная“, можетъ заставлять насъ совершать цѣлесообразныя поступки, а въ достиженіи цѣли всѣ люди—великіе и малые, и даже сумасшедшіе, видятъ смыслъ своего существованія“. (Жизнь 900 г. № 1 стр. 250). И если одиночный трудъ сообщаетъ смыслъ жизни человѣку, то трудъ совокупный, уже одною своею плодотворностію, не можетъ ли еще болѣе и украсить и усилить біеніе ея жизненнаго пульса?

Напрасная надежда... Трудъ пріятенъ человѣку, когда онъ одушевляется какою либо идеею, которая сообщаетъ ра-

богъ творческій характеръ. Но трудъ подневольный, о какомъ только и можетъ думать социализмъ, трудъ притомъ часто избранный не по склонности, но вопреки призванію работника, не можетъ сопровождаться творческою идеею. Последняя опять можетъ быть только плодомъ той же свободы и личнаго почина, но не можетъ быть навязана со стороны, являться по закону, по вызову высшаго начальства. А безъ этой идеи всякій трудъ будетъ работою механическою, мертвою и неплодотворною, не возвышающею, а принижающею и убивающею личность, — будетъ ли она совершаться въ единственномъ числѣ, или въ союзѣ съ другими, подобными же невольниками. Всякій изъ послѣднихъ будетъ стараться не о томъ, чтобы сдѣлать побольше, а какъ можно поменьше, и не о томъ, чтобы сдѣлать лучше, а кое какъ и какънибудь, лишь бы справить свой урочный часъ. Нѣтъ, не можетъ подобный трудъ одушевлять человѣка и дѣлать его счастливымъ.

Итакъ, что бы могла дать въ результатъ эта теорія, — если бы, конечно, возможно было ея осуществленіе, — теорія, которая ради сытости и мѣщанскаго счастья, лишаетъ человѣка свободы, обращаетъ его въ невольника, механически исполняющаго извѣстную долю труда, игнорируетъ всякія особенности въ способностяхъ и наклонностяхъ каждаго и выкраиваетъ каждую личность по опредѣленной схемѣ, такъ чтобы въ общемъ получилось совершенное равенство во всемъ всѣхъ и каждаго? Гдѣ во главу угла общественной жизни кладется матеріалистическое начало сытости и довольства, тамъ, разумѣется, нѣтъ почвы для развитія идеальнаго и возвышеннаго. Гдѣ отнимается всякая личная инициатива, тамъ не можетъ рождаться и процвѣтаетъ ничего оригинальнаго, самобытнаго, лично вдохновеннаго, героическаго, романтически-прекраснаго. Гдѣ господствуетъ одинъ только подневольный трудъ, тамъ въ обществѣ могутъ развиваться только рабскія чувства. Въ конечномъ результатѣ получилось бы полное измельчаніе человѣческой природы, представители которой, вытравивши въ себѣ все героическое, образовали бы изъ себя простое стадо, послушное волѣ пастуха и его кнуту и равнодушное ко всякимъ невзгодамъ. И это было бы истиннымъ бѣдствіемъ человѣчества! Социализмъ хочетъ устранить общественную неспра-

ведливость, отереть слезы несчастнымъ, остановить стоны обездоленныхъ.... Прекрасная мечта!.. Но имъ забывается при этомъ, что истинное бѣдствіе не тамъ, гдѣ совершаются ошибки, торжествуютъ заблужденія, и даже несправедливость и неправда, гдѣ слышатся стоны страданія и вопли гнѣва, а тамъ, гдѣ равнодушны къ ошибкамъ, гдѣ безучастны къ неправдамъ, гдѣ безмолвны въ страданіяхъ, гдѣ смиренны въ обидахъ—даже по отношенію къ самымъ священнымъ чувствамъ—гдѣ вообще нѣтъ трепета чувствующей и мыслящей человѣческой души. Къ такому, именно, состоянію и ведетъ социализмъ съ его нивелировкой и обезличеніемъ всякаго человѣческаго существа. Безразличное отношеніе къ добру и злу служитъ яснымъ признакомъ нравственнаго вырожденія, духовнаго атавизма, одичанія, возвращенія къ зоологическому состоянію.

IV.

Принципы коммунизма нѣкоторые изслѣдователи хотятъ приравнять къ христіанскому ученію, а проектируемый имъ образъ жизни къ христіанской первоначальной общинѣ. Коммунистическій характеръ они усматриваютъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ и при этомъ ссылаются на извѣстное мѣсто Дѣяній Апостольскихъ: *„Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли все, смотря по нуждѣ каждого* (Дѣян. II, 44—45). На этомъ основаніи нынѣшнее западное духовенство, будучи не въ силахъ оказывать прямое противодѣйствіе сильному напору социалистическаго движенія, сочло за болѣе практически благоразумное войти въ это движеніе идей, доказывая, что христіанская община есть первообразъ рабочей ассоціаціи, и слѣдовательно, по существу своему, вполне отвѣчаетъ цѣлямъ и домогательствамъ социализма. И вотъ, по свидѣтельству нѣмецкихъ ученыхъ (Циглеръ), наиболѣе талантливое и искреннее западное духовенство, безъ всякихъ якобы насилій надъ своею совѣстію и задачами своего сана, пристало къ социализму.

Это естественно приводитъ насъ къ необходимости разъясненія того, какъ разрѣшается нашъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества въ христіанскомъ ученіи.

Попутно сдѣлаемъ предварительно нѣсколько замѣчаній относительно первоначальной христіанской общины въ томъ смыслѣ, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить какимъ либо прототипомъ рабочей ассоціаціи въ смыслѣ социализма. Первоначальная христіанская община была такимъ своеобразнымъ, исключительнымъ явленіемъ, которое уже болѣе не повторялось въ послѣдующей исторіи христіанской жизни. Это было время когда христ. община сохраняла не тронутыми, свѣжими и чистыми все соки своего юнаго организма. Все члены ея были исполнены еще свѣжихъ живыхъ воспоминаній о ея Основателѣ. Его образъ, какъ живой, еще предносился ихъ внутреннимъ очамъ, и время еще не успѣло наложить на немъ своей печати. Несомнѣнно, это было временемъ такого искренняго религіознаго одушевленія, равнаго которому исторія христіанской жизни еще не знаетъ. Все христіане имѣли одно сердце, одинъ духъ. Они приносили все, что имѣли, въ свою общину, и это было непринужденнымъ, свободнымъ актомъ ихъ внутренняго расположенія. Можетъ ли быть что нибудь подобное въ проповѣди социализма, который рекомендуетъ замуровать живую душу въ тѣсныя рамки сухаго формализма, вытравить и отсѣчь отъ нея все, что не можетъ уложиться въ это своего рода Прокустово ложе?!... Можно только удивляться близорукости охотниковъ сблизать между собою два несоизмѣримыя явленія...

Но если первоначальная христіанская община не можетъ служить опорой и прототипомъ социалистическихъ мечтаній, то само христіанское ученіе даетъ вполне достаточное основаніе для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества. Индивидуализму, прилагающему слишкомъ много усердія о гарантіи своей личной свободы, о неприкосновенности и независимости своей особы, живущему исключительно интересами своего узкаго, эгоистическаго я и вслѣдствіе этого забывающему, что онъ связанъ самыми давними и самыми крѣпкими узами съ своими ближними, мы сказали бы словами Христа: *Кто хочетъ душу свою спасти, тотъ потеряетъ ее*. Какой глубоко правдивый смыслъ заключаютъ въ себѣ эти слова нашего Божественнаго Учителя!... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видѣли уже, что индивидуализмъ, полагающій въ основу

своей доктрины принципъ безграничной свободы, никогда не можетъ достигнуть желаемыхъ имъ практическихъ результатовъ. Безграничная свобода, не управляемая высшими принципами, легко обращается въ личный необузданный произволъ, не признающій для себя никакихъ законовъ, которые такъ или иначе могли бы стѣснять его и требовать отъ него извѣстнаго рода подчиненія и уступокъ, во имя хотя бы, напр., самыхъ основныхъ требованій общезжитія. Предположимъ, что всѣ члены общества заразились бы подобными принципами необузданнаго своекорыстнаго произвола,—и мы увидали бы, что въ общемъ получится такой порядокъ, при которомъ всѣ чувствовали бы себя стѣсненными; такъ какъ никто бы не могъ быть увѣренъ, что онъ гарантированъ отъ произвола другаго. Такимъ образомъ, абсолютная свобода могла бы оказаться только въ воображеніи, на самомъ же дѣлѣ она постоянно подвергалась бы возможности нарушенія со стороны всѣхъ другихъ. Дѣйствительная свобода можетъ быть только тамъ, гдѣ она признается и поддерживается всѣми другими. По истинѣ, непреложно слово Господне: *кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее*. Дѣйствительно, какая можетъ быть жизнь души безъ дорогой свободы, которая составляетъ неотъемлемое достоинство ея богоподобной природы, но которая оказывается пустымъ словомъ при практическомъ осуществленіи мечты индивидуализма, такъ какъ она повела бы къ всеобщему рабству? *Какую мѣрою мѣрите, такую возмѣрится и вамъ*. Если личность будетъ заботиться только о себѣ и отрицать права другихъ, то и ее всѣ забудутъ и тоже не признаютъ ея правъ,—что и будетъ для нея *погибелью*.

Въ свою очередь коммунисту, или социалисту, мечтающему привести всѣхъ къ одному знаменателю и на этомъ основаніи упрочить матеріальное счастье и довольство, мы противопоставили бы слова Христа: *не заботьтесь и не говорите, что вамъ ѣсть, или что пить? или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ и язычники, и потому что Отецъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ... Не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человекъ...* Между тѣмъ коммунизмъ только къ тому и стремится, чтобы путемъ насилія надъ свободою человѣческой личности обезпечить ей матеріальное довольство, забывая, что это послѣднее, при

нравственномъ гнетѣ, не можетъ имѣть для нея настоящей цѣны и никогда не замѣнитъ ей тѣхъ благъ, которыя связаны съ ея свободою. Есть мiръ иныхъ высшихъ интересовъ, которыхъ человѣкъ никогда не продастъ за чечевичную похлебку, которыми, по слову Господа, онъ будетъ всегда живъ, даже при отсутствіи хлѣба насущнаго, — лишь бы гарантирована ему была его золотая свобода.

Но если индивидуализмъ и коммунизмъ оказываются не самостоятельными предъ лицомъ евангельской правды, то гдѣ же выходъ? Въ чемъ найдемъ мы разрѣшеніе нашего вопроса? Поищемъ опять въ тѣхъ же рѣченіяхъ Христа: „Кто хочетъ идти за мною, отвергнись себя“... „Кто погубитъ душу свою ради Меня, тотъ спасетъ ее“. Что значить это „отвергнуть себя“? Что значить далѣе погубитъ душу свою? Должно ли дѣйствительно самоотреченіе дойти до совершеннаго погубленія души?

Было бы въ высшей степени странно,—если бы въ такомъ крайне буквальномъ и узкомъ смыслѣ понимать слова Того, Кто затѣмъ именно и приходилъ на землю, чтобы спасти душу человѣческую. Не могъ Онъ требовать такой необыкновенной жертвы и потому, что Онъ зналъ, что душа человѣческая, носящая въ себѣ образъ Божіи, окончательно быть истребима, обратиться въ ничто, не можетъ. Значить, нужно понимать *погибель* души въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ, такъ какъ эта *погибель* ведетъ къ тому, чтобы спасти человѣческую душу, обезпечить ей жизнь. „Кто погубитъ душу, говоритъ Христосъ, ради Меня, тотъ спасетъ ее.“ Что значить это *ради Меня*? Несомнѣнно, этимъ выражается требованіе отъ человѣка—построить жизнь на тѣхъ завѣтахъ и идеалахъ, которые Христосъ оставилъ своимъ послѣдователямъ. А эти завѣты и идеалы заключаются въ слѣдующемъ: *Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ* (Мф. 5, 44). *Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. 15, 12—13). Вотъ путь, который дѣйствительно можетъ вести ко спасенію души человѣческой и построить ея жизнь на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Фиктивны были основанія у индивидуалиста, потому что на

нихъ можно только погубить душу: эгоизмъ не можетъ быть созидающимъ началомъ. Жизнь во Христѣ, построенная на Его завѣтахъ, требуетъ великаго подвига самоотверженія; она внушаетъ человѣку съ корнемъ вырвать изъ себя эгоистическія начала, которыя поработаютъ человѣка и лишаютъ его въ концѣ концовъ истинной внутренней свободы духа. Это и значитъ *погубить* душу въ проявленіяхъ ея своекорыстной, самолюбивой жизни для жизни настоящей, истинной, гдѣ духъ свободенъ отъ оковъ эгоизма и гдѣ уже ничто не мѣшаетъ ему отдаваться на служеніе высшимъ интересамъ, соответствующимъ истинной его природѣ.

Но жизнь во Христѣ доставляетъ каждому не только *личную* свободу духа, но упрочиваетъ и внѣшнее положеніе человѣка, такъ что и въ сферѣ взаимныхъ отношеній съ другими людьми онъ будетъ чувствовать себя вполне безопаснымъ въ смыслѣ сохраненія своихъ личныхъ правъ, въ противоположность индивидуализму, который, какъ мы видѣли, въ концѣ концовъ, долженъ постоянно трепетать за нарушеніе своихъ правъ со стороны всѣхъ другихъ послѣдователей этой теоріи, возводящихъ крайній произволъ въ принципъ своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь во Христѣ, побуждающая любить всѣхъ, даже враговъ своихъ, настолько расширяетъ жизнь каждой отдѣльной личности, сообщаетъ ей такой характеръ всеобъемлемости, что она включаетъ въ себя интересы всѣхъ другихъ людей, и въ свою очередь при такой всеобщей любви другъ къ другу каждая отдѣльная личность повторяется въ милліонахъ сознаний всѣхъ другихъ человѣческихъ существъ, для которыхъ она составляетъ предметъ ихъ любви, какъ существо родственное съ ними по духу. Современное человѣческое сознание даже едва-ли можетъ и представить себѣ, что это была бы за полнота человѣческаго счастья!... Тогда не было бы нужды ни въ какихъ баррикадахъ и рогатинахъ, ни въ какихъ бумажныхъ, гражданскихъ законахъ для огражденія личности и правъ cadaquo. Эти послѣднія сами собою оказались бы *неприкосновенными*, такъ какъ все, что принадлежитъ мнѣ, дорого не для одного только, но и для всѣхъ другихъ, въ любви которыхъ я пребываю весь со всѣми своими достоинствами и недостоинствами, со всѣми сво-

ими желаніями и потребностями, равно какъ и все другіе со все́мъ содержаніемъ духовной и матеріальной жизни пребываютъ въ моей любви. Непотизмъ, фаворитизмъ и другія подобныя прискорбныя явленія нынѣшняго соціального, гражданскаго и государственнаго строя, въ силу которыхъ отнимается у достойнѣйшаго то, что принадлежитъ ему по праву, и отдается другому, какъ незаслуженный имъ даръ, не имѣли бы мѣста. Всякій получилъ бы безъ всякихъ на то условій все, что принадлежитъ ему по праву, потому что это право прочно было бы гарантировано любовью къ нему все́хъ и каждаго, и въ свою очередь и ему самому совесть никогда бы не дозволила и помыслить о посягательствѣ на законныя права другаго. Какой просторъ, какая свобода каждому развивать въ себѣ все, къ чему влекутъ его истинныя наклонности и способности! И какого пышнаго разцвѣта ни достигло бы индивидуальное развитіе того или другаго лица, какими бы блестящими успѣхами ни ознаменовалось оно: всякій могъ бы быть спокоенъ и не опасаться того, что его успѣхи возбуждаютъ завистливыя пожеланія со стороны другихъ, потому что послѣдніе понимали бы, что этотъ счастливецъ подѣлится своими благами съ ними самими, что и сами они тою же любовью вызываются къ содѣйствію развитія каждаго. Тогда наконецъ и все общество ясно сознавало бы, что оно можетъ достигнуть настоящаго, а не показнаго процвѣтанія только тогда, когда каждому предоставлена будетъ полная свобода развиваться въ мѣру своихъ силъ и способностей: по истинѣ, „кто погубитъ душу свою ради Христа, тотъ спасетъ ее“. Путь самоотверженія, состоящій въ подавленіи въ себѣ узко-своекорыстныхъ влеченій и въ свободномъ самопожертвованіи своихъ силъ и способностей на пользу общественную ведетъ къ упроченію личной свободы каждаго и безпрепятственному развитію его индивидуальной жизни со все́ми особенностями его духовной и тѣлесной природы. Истинно слово Христово: *давайте, и дастся вамъ: мѣрою доброю, угнетенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше: ибо какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ* (Лук. 6, 38).

V.

Но не подвергнемся ли мы въ свою очередь тому же упрёку, съ какимъ мы обращались къ индивидуализму и коммунизму? Не мечта ли это? Гдѣ мы найдемъ общество такихъ святыхъ людей, которые способны были бы жить по такимъ началамъ? Люди, скажутъ намъ, всегда будутъ людьми; всегда они будутъ руководствоваться эгоистическими побужденіями, и настоящее не подаетъ никакой надежды на то, чтобы люди когда нибудь устроились на евангельскихъ началахъ.

Говорятъ, что личности, высоко и богато одаренные, своимъ умственнымъ взоромъ провидятъ за долго грядущія событія. Послушаемъ же одного изъ таковыхъ, именно, Ф. М. Достоевскаго, который въ послѣднемъ своемъ романѣ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, устами отца Зосимы, такъ отвѣчаетъ на подобные недоумѣнные вопросы: „Знайте, что сія мечта несомнѣнно сбудется, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой законъ. Дѣло это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ по новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чѣмъ не сдѣлаешься на самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакой наукой и никакой выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и всѣ будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *удиненія*... Непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему странному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ несчастственно отдѣлились одинъ отъ другаго, таково уже будетъ вѣяніе времени, и удивятся тому, что такъ сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли, тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси“....

И почему бы подобныя чаянія не считать за возможные для своего осуществленія въ дѣйствительности, когда человечество переживетъ періодъ своего „удиненія“, какъ выражается Зосима? Даже и людямъ науки, представителямъ современнаго міросозерцанія, не чужды подобныя чаянія. Напр., Спенсеръ и его послѣдователи, на основаніи

своей эволюціонной теоріи, относительно будущаго человѣчества вдаются въ такія спекуляціи, которыя оставляютъ за собою далеко мечты о. Зосимы. „Настанетъ день, говоритъ Спенсеръ, когда альтруистическій инстинктъ сдѣлается столь могучимъ, столь исключительнымъ, настолько вѣдреннымъ въ самый организмъ нашъ, что люди станутъ состояться въ возможности пустить его въ ходъ, въ случаяхъ жертвы и смерти“. Высшую же степень человѣческаго совершенства послѣдователи Спенсера видятъ въ такомъ состояніи, когда люди, какъ автоматы, будутъ совершать интеллектуальную и моральную свою дѣятельность чисто механическимъ образомъ: „Всякій актъ сознанія, резонируютъ они, всякое размысленіе предполагаютъ несовершенство, отсталость; идеаль человѣка—это сдѣлаться „безсознательнымъ автоматомъ“, въ совершенствѣ устроеннымъ человѣкомъ-машинной, дѣлающей самое лучшее и самое полезное для даннаго вида безъ какой либо потребности въ размысленіи. Доводя эту мечту до крайнихъ предѣловъ, Фулье нѣсколько въ шутливомъ тонѣ изображаетъ формы будущей жизни человѣчества въ такомъ видѣ: „Человѣкъ будущаго, говоритъ онъ, въ случаѣ, если бы онъ, паче чаянія, получилъ пощечину, возвратилъ бы таковую рефлексивнымъ движеніемъ (по закону альтруизма?!...). Видя одного изъ себя подобныхъ надающимъ въ воду, онъ устремился бы на помощь благодаря игрѣ рефлексовъ, какъ при видѣ воды, бросается въ нее утенокъ, хотя бы воспитанный курицей. Въ этомъ золотомъ вѣкѣ мысль беречь имущество не придетъ даже въ голову: потерянный кошелекъ отдадутъ также добровольно и машинально, какъ дѣлаютъ жестъ, когда теряютъ равновѣсіе; чужая жена никому не будетъ внушать никакого вожделѣнія; любовники или мужья не будутъ имѣть случая, ни даже помышленія—быть ревнивыми; соперничество уничтожится и въ почестяхъ, въ мѣстахъ, въ благахъ всякаго рода; смерть и болѣзни люди будутъ переносить со стоическимъ равнодушіемъ и твердостью,—короче,—будутъ родиться и умирать добродѣтельными, не нуждаясь въ развитіи этого качества. Наслѣдственность совершить чудо“... (Фулье, Будущее морали, стр. 11). Развѣ подобная экскурсія въ отдаленныя будущія времена не превосходитъ своею смѣлостію христіанскихъ чаяній и надеждъ?

Да, но они далеко уступаютъ христіанскимъ воззрѣніямъ въ томъ отношеніи, что послѣднія не лишаютъ человѣка свободы и разума, не обращаютъ его въ автомата, механически отправляющаго свою дѣятельность и потому не отвѣтственнаго за свое нравственное поведеніе. Христіанское ученіе внушаетъ вѣру, что на судѣ въ послѣдній день, который завершитъ собою циклъ земнаго человѣческаго развитія, каждому воздается по дѣламъ его, — что не можетъ быть приложимо къ автоматамъ, лишеннымъ разума и свободы.

Разумѣется, гадать о томъ, какими путями пойдетъ развитіе будущаго человѣчества, въ какія формы отольется оно, очень трудно и едва ли возможно, но что оно никогда не удовольствуется механическою дѣятельностію автомата, — это можно утверждать со всею несомнѣнностію. Самъ человѣкъ по своей духовной природѣ носитъ въ себѣ задатки къ безконечному нравственному развитію, равно и отъ внѣ данъ ему соответствующій этому идеаль нравственнаго совершенства: „*Будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*” Поэтому думать такъ, что нравственное развитіе человѣчества отольется въ какую нибудь окончательную форму и на ней застынетъ, нѣтъ никакихъ основаній,

Но мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ указать на такую форму жизни, которая уже существовала въ прошлыя времена христіанской жизни и которая тѣмъ самымъ, что уже существовала, до извѣстной степени можетъ убѣдить насъ въ возможности будущаго обновленія человѣчества и устроенія имъ жизни на иныхъ началахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которые руководятъ жизнію нынѣшняго люда. При этомъ наша мысль устремляется къ формамъ жизни древняго пустынножительства. Были времена въ исторіи христіанской жизни, когда нѣкоторые люди, пылавшіе мыслию о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, не находя для ея осуществленія надлежащихъ условій въ окружающей ихъ дѣйствительности, исполненной злобы и всякой неправды, удалялись въ горы, лѣса и пустыни, составляли тамъ свое особое общество, основанное на началахъ *братской любви*. Изъ этой общины изгонялось все, что обычно поселяетъ *разъединенія* между людьми и является причиною ихъ несогласія и вражды. Здѣсь между членами

не было различія по знатности или незнатности происхожденія, по важности или неважности чина, по богатству или бѣдности, по высокой или низкой ступени образованія и воспитанія,—всѣ они братья между собою, потому что родственны другъ другу, по единству своихъ духовныхъ стремленій, и всѣ они были равны между собою, потому что всѣ они одинаково заключали въ себѣ возможность какъ къ нравственному паденію, такъ и къ нравственному совершенству, въ достиженіи цѣлей котораго не имѣетъ значенія ни знатность рода, ни богатство, ни образованіе и т. под. Если между членами этого общества и существовало какое либо различіе, и вслѣдствіе этого они неизбежно находились между собою въ отношеніи нѣкотораго подчиненія, то это опять здѣсь имѣло другое основаніе, чѣмъ какое мы находимъ въ установленіи іерархической лѣстницы въ жизни мірскаго общества. Въ этихъ общинахъ одинъ братъ подчинялся другому на основаніи различія въ степени духовной зрѣлости и нравственной устойчивости, въ силу которыхъ одинъ невольно чувствовалъ превосходство другаго и вслѣдствіе этого также невольно подчинялся его руководству, какъ болѣе опытному въ жизненной практической наукѣ нравственнаго самоусовершенствованія. Подчиненіе на какихъ либо внѣшнихъ принудительныхъ началахъ, напр. изъ страха бдительности полицейскаго надзора, здѣсь было не мыслимо. Стоявшій въ главѣ такой общины, избираемый всѣми ея членами, отличался отъ другихъ только сравнительною высотой своей духовной зрѣлости и другихъ какихъ либо особенныхъ преимуществъ имѣть не могъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ игуменъ не могъ смирять непокорнаго на единѣ, а передъ братіей; о всѣхъ дѣлахъ долженъ совѣщаться съ братіей, и безъ того ничего не предпринимать. Въ такихъ общинахъ, если замѣчали, что настоятель разоряетъ уставъ и вводитъ соблазнъ, то, сойдясь о Христвѣ, идутъ къ настоятелю, говорили ему объ опущеніяхъ и дѣлали ему увѣщаніе объ исправленіи. Если же онъ не принималъ совѣта, то на его мѣсто избирался другой изъ братства.

Мы указали на эту форму жизни древняго отшельничества не какъ на единую совершенную, дальше и выше которой ничего уже и быть не можетъ. Всегда нужно помнить, что

духъ человѣческій имѣеть стремленіе и способность къ безконечному совершенству, которое можетъ идти и въ высь, и въ ширь, и въ глубь. Поэтому остановиться и замереть въ одной какой нибудь формѣ онъ не можетъ: онъ постоянно будетъ искать болѣе совершеннѣйшаго. Но то можно утверждать съ несомнѣнностію, что, если когда нибудь человѣчество отрѣшится отъ началъ эгоизма, на которыхъ въ настоящее время оно устрояетъ свою жизнь и обратится къ другимъ, совершенно противоположнымъ началамъ жизни, то формы будущаго нравственнаго развитія,—какъ бы ни была разнообразна и безконечна ихъ смѣна,—должны быть построены на началахъ *братской любви*, какъ это мы видимъ въ жизни древняго отшельничества. И если въ исторіи христіанской жизни мы находимъ хотя *одну* форму — древняго отшельничества, положившаго въ основаніе своей жизни не эгоизмъ, а *братскую любовь*, то это вселяетъ въ насъ надежду, что со временемъ явятся и другая, и третья и т. д. форма жизни на тѣхъ же началахъ братской любви.

Но когда настанетъ этотъ истинно христіанскій, идеальный порядокъ вещей,—это сокрыто отъ насъ. Можно только сказать, что настоящее положеніе дѣлъ подаетъ слишкомъ мало надежды на болѣе или менѣе скорое наступленіе его. „Всѣ въ насъ вѣкъ, скажемъ опять словами о. Зосимы, раздѣлились на единицы, всякій уединился въ свою нору, всякій отъ другаго отдаляется, прячется, и что имѣеть, прячетъ и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копить уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что чѣмъ болѣе онъ копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, приучилъ свою душу не вѣрять въ людскую помощь, въ людей и человѣчество, и только и трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ

не въ личномъ уединенномъ его усилии, а въ людской общей цѣльности“.

Но зачѣмъ намъ углубляться въ книжки? Предъ нашими глазами и глазами всего міра разыгрывается потрясающая душу драма, ужаснаго эпилога которой мы вѣроятно въ скоромъ времени будемъ не вольными свидѣтелями. Сильная, могучая нація, вооруженная послѣднимъ словомъ науки и культуры, направленныхъ въ настоящій разъ исключительно на истребленіе человѣчества, душисть и давить горсть людей, отстаивающихъ свои законныя права на независимое существованіе. Весь міръ смотритъ на это позорное зрѣлище, и никто не можетъ ничего предпринять для прекращенія этого разбоя. Всѣ боятся, чтобы такой актъ человѣколюбія не породилъ собою еще большей злобы, которая можетъ залить весь міръ потоками крови. Гуманнѣйшія и искреннѣйшія усилія нашего обожаемаго монарха—изыскать средства для предупрежденія подобныхъ кровавыхъ столкновеній встрѣчаютъ ужасное недовѣріе со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ и культурныхъ націй. Все это говоритъ за то, что бѣдному человѣчеству еще долго придется переживать періодъ *уединенія* со всѣми его тяжелыми послѣдствіями.

Кончится же этотъ періодъ уединенія тогда, когда установятся правильныя отношенія между личностію и обществомъ. А это въ свою очередь случится только тогда, когда общимъ убѣжденіемъ сдѣлается та евангельская истина, что прежде всего нужно искать *царствія Божія и правды его*, и тогда уже все прочее *приложится намъ* (Мѡ. 6, 33). Царствіе же Божіе есть царство мира, царство любви. И когда эта евангельская истина сдѣлается достояніемъ общаго сознанія, тогда поймутъ люди, что упрочить права своей личности, создать не фиктивную, а дѣйствительную независимость, *спасти* свою душу каждый можетъ только путемъ самоотверженнаго служенія обществу; тогда и само общество пойметъ, что настоящаго своего процвѣтанія и прочности своего существованія оно можетъ достигнуть не путемъ тиранніи надъ человѣческой личностію, а положительнымъ содѣйствіемъ каждому свободно развивать свои силы и способности, пускать въ оборотъ тѣ таланты, какіе каждый получилъ вмѣстѣ съ началомъ

своего бытія и за преумноженіе или гибель которыхъ долженъ будетъ отвѣчать не только самъ обладатель ихъ, но и тѣ, кто помогаль или препятствовалъ развиваться этимъ талантамъ.

Каждый для всѣхъ, и всѣ для каждаго,—вотъ въ чемъ мы видимъ истинное рѣшеніе нашего вопроса.

С. Левитскій.
